

ДЖАЗ

Непонятное, никак не объясняемое название чего-то. По-моему, мой благосклонный читатель, сперва было придумано это слово, вернее, пожалуй, даже не слово, а просто этакое жизнепробуждающее звукосочетание, затем уже приложилось все остальное. Что остальное? Вслушайтесь - джаз, вы слышите? Джаз, джаз!. Там, где придумали это понятие, произносилось, видимо, ДЖЭЗ или как-то в этом духе, неизменно вызывая трепет родственных именно ему, этому понятию, душ, но в жизнь автора оно не проникало под каким-либо заграничным именем, а просто проявилось, высветилось, посаженное природой и засевшее глубоко внутри и не имело четкого обозначения, привязанного к какому-либо термину.

Просто появившееся запретное, сладкое, как чужой неуспех, простое русское слово ДЖАЗ, расправило в душе тогда еще неокрепшего, юного автора громадную наклонную плоскость жизненных ценностей, в корне отличающихся от общепринятых в том, тогдашнем, теперь уже очень далеком, нашем мире.

Плоскость, которую выбираешь в конечном итоге ты сам и, уж, коли ты взгромоздился на нее, тебе ничего не остается, как якобы жизнеутверждающе и независимо, скользить по ней вниз, нервно прислушиваясь потными, дрожащими в те годы от страха ушами к кем-то сочиненному благолепию чарующих, запретных звуков, являющих настоящую, в твоём скудном тогда понимании, недостижимую жизнь полную бугги-вугги и дивных окурков от настоящего "Честерфильда" или "Пол Молла", читать по английски ты еще не умеешь, да и окурки эти появятся только лет через десять...

Джаз, как выяснилось вследствие благополучно и пристойно миновавшего вас детства, не только мир музыки. Это кристалл вашей рано облысевшей души, который всю вашу жизнь пропускает через себя море всяческой мути с одной единственной целью - порадовать вас памятью о всего лишь нескольких музыкальных фразах, обладающих неземной красотой и покоем и лишней раз напоминающих, что еще не все потеряно в жизни, столь быстро текущей мимо вас. Он впитал в себя и проанализировал целые кучи никому не нужного мусора, но в него-то и запрятан настоящий ДЖАЗ вашего существа.

В старенькой пластинке Цфасмана под убогим названием "Вечер в горах" вы, будучи еще ребенком, но уже катаясь по этой сумбурной плоскости избранных, сотни раз прослушиваете только одно место - там всего дважды блеют козлы: бе-э, бе-э! И вы с придыханием, восторженно объясняете соседскому мальчишке, вашему товарищу по тайному курению, что этот звук издает труба Эдди Рознера, заткнутая сурдиной, и что это - Настоящий Джаз! Джаз! Что такое сурдина вы еще не знаете, в жизни не видели, но кто-то о ней что-то говорил... Однако вам кажется, что это какой-то необыкновенный предмет, который из обычных, знакомых звуков делает ДЖАЗ.

Что такое джаз вам уже абсолютно понятно, хотя сосед смотрит на вас, как на сумасшедшего и прощает эту глупость только потому, что ваша мать (одиночка) - курящая женщина и вы в свои неполные восемь лет имеете возможность угощать соседа окурками папирос "Север". Соседу уже почти семь.

Ваш джаз - это тайный, запретный мир, которого микроскопически мало - на огромной, тяжелой грамофонной пластинке он длится всего черыре секунды, которые вы прослушиваете несчетное количество раз.

Скользя все далее еще пятьдесят лет, вы наконец понимаете, что так устроена вся жизнь - настоящего ДЖАЗА в ней всего четыре секунды на большую заезженную пластинку далекого, никому кроме вас ненужного, вечера в горах.

На самом деле, чтобы припомнить все любимое тобою в джазе, имея ввиду музыку, а не образ жизни, вечер может быть и не в горах, и для всего, накопившегося в душе настоящего твоего джаза, вполне достаточно нескольких часов.

Допустим, в вашем городе проводится недельное мероприятие, гордо называемое организаторами международным фестивалем джаза. Вы вместе с автором, пользуясь наступившей дозволенностью проникновения джаза на вашу неэтническую родину, уже погубили четыре дня в прискорбном выслушивании непонятных дребезжащих звуков с песнопениями, близкими к голосам нетрезвого народа из подворотен.

Вам уже надоело жалкое подобие истинного звука, извлекаемое из хороших инструментов, которые способны звучать по-настоящему, но, к несчастью, попали в больные, наманикюренные и бесталанные руки. Вы впервые в жизни пресытились доступной свободой посещения вестибюля престижной гостиницы, откуда вас теперь не гнали, как раньше, взашей только лишь потому, что весь этот фарс назывался фестивалем, а может потому, что вы, к несчастью, уже стары и не похожи на фарцовщика времен дальней, исчезнувшей бесследно юности, хотя остерегаетесь, вернее, боитесь швейцаров по-прежнему, вот тут вам совершенно осознанно захотелось немного хорошей, настоящей музыки, еще живущей в вас и ваших сотоварищах по неразумной тяге к заграничному, ядовитому и запретному плоду.

Здесь, любезный читатель, нам следовало бы оставить автора и его абстрактные размышления в вестибюле гостиницы "Де Рома" среди хищного стада непьющих от пока еще предвечернего полного отсутствия денежных знаков юных и очаровательных проституток с их семнадцатилетними по-детски безденежными сутенерами и проследить - как же автору удастся обустроить вспыхнувшую потребность утolenия его морально-музыкального голода на этом дивном фестивале, где сейчас два прыщавых голландца с двуполой певичкой лабают на гитарах обычный, в классическом стиле, фламенко, считая эту музыку, видимо, вершиной современного джаза.

Юные проститутки, возможно даже не слышавшие в своей жизни слова "джаз", томно внимают голландско-испанским страстям, ибо по какому-то недосмотру организаторов "фестиваля" это удовольствие в вестибюле гостиницы звучит для всех желающих бесплатно.

Автор же, окончательно отравленный всем происходящим, вместо тусклого ожидания завершения фестиваля, средней рысью продвигается по вечернему холодку любимого города с двумя своими сообщниками-заговорщиками в сторону квартиры одного из них, где твердо решено провести независимое, так сказать, альтернативное закрытие фестиваля.

В виде лирического отступления и для полноты усвоения того, что делает джаз с людьми следует отметить, что упомянутые, продвигающиеся полурьсью весьма целеустремленно три господина, за которыми мы с любопытством сейчас наблюдаем, прожили друг без друга, не общаясь, кроме случайных редких концертов, целую жизнь.

Что же толкнуло их сейчас на такой незапланированный заранее поступок коллек тивного разума?

- Джаз.

- Что это? - спросите вы .

- Мы не знаем.

Однако этот вечер был суров для трепетного племени ночных бабочек с пресловутой известной улицы господина Чака. Квартира одного из любителей джаза оказалась именно там, и именно оттуда на голову и свежевывмытые уши аппетитных и не очень аппетитных жриц любви целую лунную ночь выпадали из окна осколки, глыбы и куски настоящего, заграничного джаза юности этих престарелых оболтусов, сопровождаемые их же какофони ческими, беззубыми песнопениями на дикой смеси так и не покоренных английских, немецких и итальянских языков.

Эти оболтусы отлично прожили и проживают свою незапятнанную симфониями Шостаковича жизнь. У них было и есть много неприятностей. Они с детства катятся вниз по наклонной плоскости... Со своими непонятными для местных шлюх песнями.

Но ведь это плоскость джаза! Вы только прислушайтесь повнимательнее.

Джаз!

Вы слышите?

Авап-пабалуба-авап-бэм-бум!